

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

Стамбул

Суббота, 5 сентября — 22.00

Он сидел один в темноте за рабочим столом Хаджиба Кафира, уставившись невидящим взглядом в покрытое пылью окно на нетленные минареты Стамбула. В любой столице мира он был как дома, но Стамбул любил больше других. Стамбул не центральной улицы Бей-Оглы и бара «Лейлзаб» гостиницы «Хилтон», кишевших туристами, а Стамбул укромных уголков, известных только мусульманам: крошечные чайханы и базары, кладбище Телли-Баба, которое и кладбищем-то не назовешь, так как там похоронен один человек, и люди приходят туда, чтобы помолиться ему.

Как охотник, был он терпелив в своем вынужденном ожидании, молчаливо спокоен и уверен в себе. Родом из Уэльса, он унаследовал от своих предков их мрачную буйную красоту. Черные волосы и волевые черты лица подчеркивали бездонную голубизну умных глаз. Высокого роста, худощавый, мускулистый, он производил впечатление человека, много времени уделяющего своему физическому здоровью. Офис был наполнен ароматами Хаджиба Кафира: его дурманяще-сладким табаком, его едким турецким кофе, его маслянисто-жирным запахом тела. Но Рис Уильямз не чув-

4 • Сидни Шелдон

ствовал их. Он целиком ушел в размышления о телефонограмме, которую получил час назад из Шамони.

«...Ужасно! Поверьте мне, господин Уильямз, мы все в шоке. Это произошло так неожиданно, что никто не успел даже с места сдвинуться, чтобы ему помочь. Господин Рофф погиб мгновенно...» Сэм Рофф, президент «Рофф и сыновья», второго в мире по величине фармацевтического концерна, контролируемого династией, пустившей корни по всему земному шару и ворочавшей миллиардами. Невозможно представить, что Сэма Роффа нет в живых. Он всегда был полон жизни, энергии, всегда в движении, проводя большую часть времени в самолетах, доставлявших его в самые отдаленные уголки планеты, чтобы там на месте решить запутанную проблему, оказавшуюся другим не по зубам, или высказать интересную идею, заряжая всех своим энтузиазмом, призывая их во всем следовать своему примеру. Он был мужем и отцом. Но превыше всего в жизни ставил свое Дело. Он был блестящим, необыкновенным человеком. Кто сможет заменить его? Кому по силам будет управлять огромной империей, которую он оставил после себя? Он не успел назначить себе преемника. Но он же не предполагал, что умрет в пятьдесят два года. Он думал, что у него впереди масса времени.

Но его время истекло.

Неожиданно в офисе вспыхнул свет, и Рис Уильямз, на какое-то мгновение ослепленный, обернулся к двери.

— Господин Уильямз! Я думала, что здесь никого нет.

Это была Софи, одна из секретарш фирмы, назначаемая в распоряжение Риса Уильямза всякий раз, когда он бывал в Стамбуле. Она была турчанкой лет двадцати четырех — двадцати пяти, с гибким чувственным телом, таящим в себе бездну обещаний, и смазливой мордашкой. Не раз она уже подавала знаки Рису, древние как мир, что готова доставить ему любые удо-

вольствия, какие он пожелает, в любое удобное ему время. Но он оставался к ним глух и нем.

— Я вернулась, чтобы отпечатать кое-какие письма господина Кафира, — продолжала она, затем вкрадчиво добавила: — Могу я чем-либо быть вам полезной?

При этих словах она вплотную подошла к столу. На Риса пахнуло терпким запахом ее молодого тела, запахом дикого зверя в гоне.

— Где господин Кафир?

Софи сожалеюще покачала головой:

— Рабочий день господина Кафира уже давно закончился.

Ладонями мягких, опытных рук она разгладила спереди платье.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

На смазливом личике томно и влажно блестели ее глаза.

— Да, — сказал Рис. — Разыщите его.

Она нахмурилась.

— Понятия не имею, где...

— Либо в караван-сараяе, либо в Мермаре.

Вероятнее всего, конечно, в караван-сараяе, где любовница Кафира исполняет танец живота. Но Кафир был человеком непредсказуемым. Он мог быть и дома с женой.

Извиняющимся тоном Софи проговорила:

— Я попытаюсь, но боюсь, что...

— Объясните ему, что если он через час не будет здесь, то может больше вообще не приходиться сюда.

Выражение ее лица изменилось.

— Я сделаю все возможное, господин Уильямс. — Она направилась к двери.

— И выключите свет.

В темноте отчего-то было легче оставаться наедине со своими мыслями. А в них он постоянно возвращался к Сэму Роффу. В сентябре Монблан был не так уж

неприступен. Сэм уже делал попытку одолеть его, но тогда ему помешала снежная буря.

— На этот раз я доставлю на пик флаг фирмы, — шуточно пообещал он Рису.

И вот этот телефонный звонок, настигший Риса в «Пера Палаце» в тот момент, когда он уже сдавал ключи от номера. До сих пор еще слышится ему взволнованный голос в трубке: «Они шли в связке по леднику... господин Рофф оступился, веревка лопнула... Он рухнул прямо в бездонную ледовую трещину...»

Рис представил себе, как тело Сэма, ударяясь о ледяные выступы, стремительно падает в пропасть. Усилием воли заставил себя не думать об этом. Это уже прошлое. Думать же надо о настоящем. О смерти Сэма Роффа необходимо сообщить его родным, а они раскиданы по всему белу свету. Необходимо подготовить сообщение для прессы. Новость эта как гром среди ясного неба поразит международные финансовые круги. Необходимо во что бы то ни стало этот удар смягчить, особенно теперь, когда фирма бьется в тисках финансового кризиса. И проделать всю эту работу предстоит ему, Рису Уильямзу.

Рис Уильямз познакомился с Сэмом Роффом девять лет назад. Тогда Рис в свои двадцать пять уже являлся коммерческим директором небольшой фирмы по продаже лекарственных препаратов. Он был полон интересных замыслов, автором многих нововведений, и по мере того как расширялась фирма, росла и его репутация. «Рофф и сыновья» сделала ему предложение перейти к ним на работу, но тот отказался. Тогда Сэм Рофф выкупил фирму, в которой он работал, и тотчас послал за ним. С момента их первой встречи и до настоящего времени он так и остался под мощным воздействием обаяния личности Сэма Роффа.

— Твое место здесь, в «Роффе и сыновьях», — заявил он Рису. — Поэтому я и выкупил ваш несчастный тарантас, который ты тащил на себе.

Рис почувствовал себя польщенным и оскорбленным одновременно.

— А если я не останусь у вас?

Сэм Рофф улыбнулся и сказал доверительно:

— Ты останешься. У нас много общего с тобой, Рис. Мы оба честолобивы. Мы хотим завоевать весь мир. Я покажу тебе, как этого добиться.

Слова Сэма Роффа притягивали как магнит, сулили обильную пищу огню, сжигавшему душу молодого человека, ибо он знал то, чего не было известно даже Сэму Роффу. Риса Уильямза не было на свете. Он был мифом, сотканным из отчаяния, нищеты и безысходности.

Он родился и вырос неподалеку от Гвента и Кармартена, мест, где глубоко под землей залежали мощные пласты угля, песчаника и известняка, иногда выходявшие на поверхность, причудливыми морщинами искажая красновато-зеленое раздолье равнин Уэльса. Он рос в сказочной стране, где одни названия были уже поэзией: Брекон, Пенифан, Пендерин, Глинкорвг, Маэстег.. Это был край легенд и мифов, где залежи угля отложились еще 280 миллионов лет назад, край буйных лесов, росших так густо и так привольно, что белка могла добраться по ним от Брекон-Биконз до моря, ни разу не ступив на землю. Но пришла промышленная революция, и углежогги спилили красивые зеленые деревья и сожгли их в ненасытных топках сталелитейных печей.

Мальчик рос в окружении героев другого времени и другого мира. Роберт Фаррер, сожженный на костре Римско-католической церковью за то, что не принял обет безбрачия и не отказался от своей жены; король Хайвел Добрый, в десятом веке даровавший Уэльсу законы; свирепый Бриккен, отец двенадцати сыновей и двадцати четырех дочерей, в жестоких сражениях отбивший все попытки силой захватить его королев-

ство. Он рос в краю замечательных исторических событий. Но не все в том краю было овеяно славой. Предки Риса, все как один, были потомственными шахтерами, и мальчик часто слушал рассказы отца и дядей об ужасах шахтерской жизни. Они вспоминали о тяжелом времени, когда у них отняли работу, когда в дни жестокой схватки шахтеров с компаниями одна за другой закрывались шахты Гвента и Кармартена, и шахтеры, доведенные до отчаяния нищетой, подточившей их гордость и вытянувшей из них все жизненные соки, вынуждены были в конце концов покориться.

Когда шахты работали, ужасам все равно не было конца. Большинство родственников Риса погибли в шахтах. Одни остались навеки погребенными в них, другие умерли наверху, выхаркав вместе с почерневшей от угля кровью свою душу. Многие так и не дожили до тридцати.

Рис слушал рассказы отца и быстро стареющих молодых дядей о прошлом, о страшных завалах, о тяжелых травмах и жутких увечьях, о забастовках; вспоминали они и хорошие времена. Но мальчишка с трудом различал их, и хорошие, и плохие времена казались ему одинаково плохими. Мысль, что и ему придется прожить свою жизнь в темном подземелье, ужасала его. Он знал, что должен бежать.

В двенадцать лет он ушел из дому. Из угольных долин он перебрался на побережье в Салли-Рэнни-Бэй и Лавернок, куда толпами стекались туристы, и мальчик подносил им вещи, выполнял их мелкие поручения, стараясь всячески угодить: помогал девушкам и дамам спускаться по крутому откосу на пляж, нес за ними их корзины, набитые снедью, работал возницей в Пенарте, был служащим увеселительного парка в Уитмор-Бэй.

Семья его находилась всего в нескольких часах ходьбы, но разделяла его и их непреодолимая пропасть. Здесь жили инопланетяне. Рис Уильямз и представить

себе не мог, что люди могут быть такими красивыми или так хорошо одеваться. Каждая женщина казалась ему королевой, а мужчины были как на подбор элегантны и стройны. Здесь был его настоящий дом, и он ни перед чем не остановится, чтобы стать одним из его равноправных владельцев.

К тому времени, как Рису исполнилось четырнадцать лет, он скопил достаточно денег, чтобы оплатить проезд до Лондона. Первые три дня он просто бродил по улицам громадного города, расширенными от восторга глазами всматриваясь в его великолепные здания и памятники, упиваясь его звуками и запахами.

Его первой работой было место посыльного в небольшом магазине тканей. Кроме него, там работали трое продавцов: двое мужчин, заносчивых до крайности, и одна девушка, при каждом взгляде на которую сердце молодого валлийца радостно екало. Мужчины обращались с Рисом как с существом низшего порядка. Он был удивительно забавен: одежда висела на нем кое-как, как вести себя, не знал и вдобавок ко всему говорил на такой тарабарщине, что его трудно было понять. Они даже не знали, как толком произносить его имя, и называли его то Райс, то Рай, то Райз.

— Правильно говорить Р-И-И-С, — не уставал повторять им Рис.

Девушка же жалела его. Ее звали Глэдис Симпкинз, и она снимала крохотную квартирку в Тутинге на паях с тремя другими девушками. Однажды она позволила пареньку проводить себя домой и пригласила его на чашку чая. Молодой Рис запаниковал, подумав, что ему предстоит первая в его жизни близость с женщиной. Но когда он попытался обнять Глэдис, она вытаращила на него глаза, а затем рассмеялась.

— Этого ты не получишь, — сказала она, — но зато я дам тебе совет. Если хочешь чего-либо добиться, в-первых, оденься поприличнее, во-вторых, получи хоть

какое-нибудь образование и, в-третьих, научись себя правильно вести.

Она окинула взглядом худое, горящее молодое лицо, заглянула в его бездонные голубые глаза и снисходительно сказала:

— А когда подрастешь, ты будешь ничего.

«Если хочешь чего-либо добиться...» Вот тогда и появился на свет вымышленный Рис Уильямз. Настоящий Рис Уильямз был безграмотным, невежественным, невоспитанным пареньком без настоящего, прошлого и будущего. Но он был умен, наделен богатым воображением и неумным честолюбием. Этого оказалось достаточно. Рис начал с того, что представил себя тем, кем хотел бы быть, кем намеревался стать: элегантным, изысканным, преуспевающим человеком. Мало-помалу Рис начал менять себя под стать тому образу, который носил в голове. Он поступил в вечернюю школу и стал посещать картинные галереи. Он не вылезал из публичных библиотек и ходил в театры и, сидя там на галерке, внимательно присматривался к тому, как были одеты мужчины из партера. Он экономил на пище, чтобы один раз в месяц сходить в хороший ресторан и понаблюдать, как правильно вести себя за столом. Он наблюдал, учился, запоминал. Он был как губка, выжимающая из себя прошлое и впитывающая будущее.

В течение одного короткого года он многому научился, и в его обновленном сознании Глэдис Симпкинз, его принцесса, предстала такой, какой и была на самом деле: обыкновенной девчонкой, даже не отвечавшей его теперешним запросам. Он ушел из магазина тканей и устроился продавцом в аптеку, входившую в разветвленную сеть фармацевтических магазинов. К тому времени ему уже исполнилось шестнадцать лет, но выглядел он гораздо старше. Он прибавил в весе и вытянулся. Женщин привлекали его мужественная валлий-

ская красота и быстрый льстивый язык. Он стал весьма популярен в аптеке. Покупательницы специально ждали, когда он освободится, чтобы заняться ими. Он хорошо одевался и говорил на хорошем и правильном языке. Он понимал, что уже достаточно далеко отдался от Гвента и Кармартена, но все еще был недоволен своим реальным отражением в зеркале. Путь, который он только собирался пройти, был еще впереди.

Не прошло и двух лет, как ему предложили занять должность заведующего аптекой. Управляющий сетью районных аптек сказал тогда Рису:

— Это только начало, Уильямз. Трудитесь с полной отдачей, и в один прекрасный день под вашим началом уже будет не одна, а с полдюжины аптек.

Рис с трудом удержался, чтобы не рассмеяться ему в лицо. Трудно представить, чтобы такая мелочь могла быть вершиной чьих-либо желаний! Школу Рис не бросил. Теперь он изучал торговое дело, маркетинг и коммерческое право. Идти было еще далеко. Созданный им образ располагался на вершине пирамиды, а сам он пока все еще, увы, находился у ее подножия! Шанс подняться выше не преминул подвернуться. Однажды в аптеку заглянул коммивояжер, понаблюдав, как Рис одну за другой уговорил сразу нескольких покупательниц приобрести товары, которые им совсем не были нужны, подошел к нему и сказал:

— Парень, ты здесь попусту тратишь свое время. Тебе нужно плавать в озере, а не в пруду.

— Что же вы предлагаете? — спросил Рис.

— Я поговорю на эту тему с боссом.

Две недели спустя Рис уже работал коммивояжером в небольшой фармацевтической фирме. Он был одним из пятидесяти таких же торговцев, но, когда смотрелся в свое особое зеркало, знал, что это не так. Единственным его конкурентом теперь был он сам. Все ближе и ближе подступал он к тому вымышленному образу, ко-

торый сам себе создал, образу умного, образованного, утонченного, обаятельного человека. Он хотел сделать невозможное, ибо всякому известно, что эти качества не приобретаются — они всасываются с молоком матери. Но Рис сделал это невозможное. Он стал тем, кем хотел стать, тем, чей образ сам себе создал.

Он колесил по стране, продавая товары фирмы, общался с людьми, внимательно их слушал. В Лондон возвращался переполненный идеями и конкретными практическими предложениями и стал быстро подниматься по служебной лестнице.

Спустя три года после прихода в фирму он уже занял пост ее коммерческого директора. Под его умелым руководством фирма начала заметно процветать.

А через четыре года в его жизнь ворвался Сэм Рофф. Он первый понял, какая жажда мучит Риса.

— У нас много общего с тобой, Рис. Мы хотим завоевать весь мир. Я покажу тебе, как этого добиться.

И он выполнил свое обещание.

Сэм Рофф был отличным наставником. В течение девяти лет под его руководством Рис стал незаменимым для фирмы человеком. По мере того как шло время, он получал все более и более ответственные посты, занимаясь реорганизацией подразделений фирмы, улаживая различные производственные конфликты в разных точках земного шара, координируя работу разнообразных структур «Роффа и сыновей», разрабатывая и проводя в жизнь новые идеи. Вскоре Рис был единственным, кроме самого Сэма Роффа, кто досконально знал всю подноготную системы управления фирмой. Он стал реальным претендентом на пост ее президента. Однажды утром, когда Рис и Сэм Рофф возвращались из Каракаса на борту специально оборудованного роскошного «Боинга-707-320», одного из восьми воздушных кораблей, принадлежавших фирме, Сэм Рофф похвалил Риса за мастерски провернутую им

выгодную для фирмы сделку с правительством Венесуэлы.

— Тебя ждут солидные комиссионные за это дело, Рис.

— Мне не нужно никаких комиссионных, Сэм, — проговорил Рис. — Я бы предпочел выкупить у фирмы пакет акций и получить место в Совете директоров.

Оба они знали, что он заслужил это. Но Сэм сказал:

— Прости, но не в моих силах менять правила. «Рофф и сыновья» — частная фирма. И никто, кроме членов семьи, не может заседать в Совете или держать пакет акций.

Рис, конечно, знал об этом. Не входя в Совет, он, однако, был обязан присутствовать на всех его заседаниях. Сэм Рофф являлся единственным наследником мужского пола. Остальные члены семьи Рофф были женщинами. В Совет директоров входили их мужья: Вальтер Гасснер, женатый на Анне Рофф; Иво Палацци, женатый на Симонетте Рофф; Шарль Мартель, женатый на Элене Рофф. И сэр Алек Николз, Рофф по материнской линии.

Итак, Рис был поставлен перед выбором. Он знал, что заслужил место в Совете, что наступит день, когда именно он полностью сосредоточит в своих руках управление фирмой. Однако сейчас этому препятствуют обстоятельства, но обстоятельства, как известно, склонны меняться. И Рис решил остаться, остаться и посмотреть, что из этого получится. Сэм научил его быть терпеливым. И вот теперь Сэм мертв.

В офисе снова вспыхнул свет. В дверях стоял Хаджиб Кафир. Кафир был коммерческим директором турецкого филиала «Роффа и сыновей». Небольшого роста, смуглолицый, он гордился своими бриллиантами и своим толстым животом, словно они были его послужными наградами. Сейчас у него был взъерошенный вид наспех одевшегося человека. Значит, все же Софи вытащила его из ночного клуба.

— Рис! — пустился в объяснения Кафир. — Дорогой мой, прости, пожалуйста. Откуда мне знать, что ты все еще в Стамбуле. Ты же должен был сейчас уже лететь в самолете, а у меня тут подвернулось срочное дело...

— Сядь, Хаджиб. Слушай внимательно. Необходимо послать четыре шифрограммы по фирменному коду. В четыре разных страны. Доставлены они должны быть лично адресатам в руки нашими собственными посыльными. Я ясно излагаю?

— Да, — ответил Кафир, смешавшись, — даже очень ясно.

Рис быстро глянул на циферблат тонких золотых часов на руке.

— Почта в Нью-Сити уже закрыта. Их надо отправить из Йени-Постхане-Кад. Через тридцать минут они уже должны быть в пути.

Он протянул Кафиру текст шифрограммы.

— Кто станет обсуждать то, что тут написано, будет тотчас уволен с работы.

Кафир взглянул на текст, и глаза его расширились.

— Боже мой! — выдохнул он. — Боже мой!

Затем он перевел взгляд на потемневшее лицо Риса.

— Как это произошло?

— Несчастный случай, — сказал Рис.

Впервые за все это время Рис позволил своим мыслям обратиться к той, о ком сознательно не позволял себе думать: к Элизабет Рофф, дочери Сэма. Сейчас ей двадцать четыре. Когда Рис впервые увидел ее, она была пятнадцатилетней девушкой с зубами, стянутыми пластинами, до безумия застенчивой, одинокой, безобразно толстой, замкнутой и воинственно-агрессивной. Шли годы, и на глазах Риса она преобразилась, унаследовав красоту своей матери и ум и стойкость духа своего отца. Она очень любила Сэма. Рис понимал, что

его смерть для нее — это трагедия. Он должен сам рассказать ей об этом.

Двумя часами позже Рис Уильямз уже находился над Средиземным морем на борту одного из реактивных самолетов фирмы, взявшего курс на Нью-Йорк.

Глава 2

Берлин

Понедельник, 7 сентября — 10.00

Анна Рофф-Гасснер знала, что не смеет крикнуть еще раз, так как Вальтер вернется и убьет ее. Она забилась в угол спальни, дрожа всем телом и ожидая неминуемой смерти. То, что начиналось как красивая волшебная сказка, завершилось диким и невыразимым ужасом. Она слишком долго боялась взглянуть правде в глаза: человек, за которого она вышла замуж, был маниакальным убийцей.

До встречи с Вальтером Гасснером Анна Рофф никого никогда не любила, включая мать, отца и самое себя. Росла она хрупким, болезненным, склонным к обморокам ребенком. Она не помнила себя вне больницы, без няnek, вне присмотра докторов, привозимых из различных, порой самых отдаленных стран света. А так как ее отцом был Антон Рофф из «Роффа и сыновей», к постели Анны допускались только специалисты с мировым именем. Но, осмотрев ее, проверив анализы и после долгих диспутов разъехавшись по домам, они знали о ее болезни не больше, чем до своего приезда. Никто так и не смог правильно поставить диагноз.

Анна не могла посещать школу, как все другие нормальные дети, и со временем она замкнулась в себе, создав свой собственный мирок, полный фантазий и грез наяву. И никому туда не было доступа. Картины жизни она рисовала собственными красками, так как